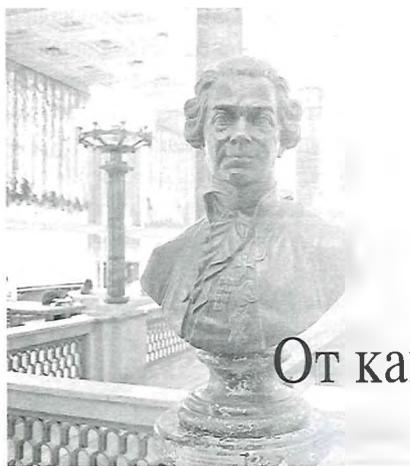

«Что имеем — не храним...», или

От какого наследства не стоит отказываться

В ПОСЛЕДНИЕ ПАРУ ЛЕТ мы много рассуждали о завтрашнем дне библиотеки. Под слоганом «Библиотека будущего» проходили научные конференции и семинары. Ну вот, спустя почти четыре десятилетия после начала перестройки, ознаменовавшей новый этап в социально-культурном развитии страны, наступил момент рефлексии относительно того, что привнесли в библиотечное дело эти перемены. Как они связаны со всеми предыдущими периодами нашей профессиональной жизни? И как в пылу увлечения инновациями мы незаметно растеряли многие базисные элементы библиотечной деятельности, которые на протяжении всей истории воплощали её смыслы? Невольно на ум приходит ставший мемом заголовок известной статьи В. И. Ленина «От какого наследства мы отказываемся?», который вспоминается каждый раз, когда идёт речь о связи дня нынешнего с днём минувшим.

*Думали: нищие мы, нету у нас ничего,
А как стали одно за другим терять,
Так, что сделался каждый день
Поминальным днём, —
Начали песни слагать
О великой щедрости Божьей
Да о нашем бывшем богатстве.*

А. А. Ахматова

Как всё начиналось...

Перемены, от которых нередко отрещиваются пропагандистской формулой «лихие девяностые», были реальностью. Лучшее свидетельство тому — наш профессиональный лексикон. Но-

вым поколениям, скорей всего, невдомек, что многие привычные для них понятия сорок лет назад просто отсутствовали в нашей речи. Или встречались в переводных статьях из зарубежных источников. Перечислю самые известные. Это прежде всего «публичная библиотека» — вместо привычной для нас «массовой». (Напомню, до революции именно оно было употребимым.) Назову также библиотечную этику; комфортность обслуживания; критическое мышление; инновации, инновационное творчество; библиотечное пространство; реклама, PR; персонал (вместо работников и работниц). Постепенно привыкли рассматривать библиотеку не как стандартное учреждение или организацию, но **социально-культурный институт**.

Ряд этих и других понятий широко использовался в других сферах знания, но не в библиотечном деле. Их введение в повседневную профессиональную жизнь означало поиск новых смыслов нашей культурно-просветительской деятельности. По прошествии времени стало очевидно, что не всегда и не всем коллегам удалось осознать содержание этих смыслов, содействовать их практической реализации, что сегодня стало нашим главным риском и бедой. Но об этом ниже.

Важным индикатором обновления библиотечного дела становится формирование крепких горизонтальных профессиональных связей. Создаются региональные (в первую очередь, столицах — Москве и Санкт-Петербурге), содружества библиотек, и в 1994 г. появляется Российская библиотечная ассоциация. Открытие границ стимулирует первые массовые поездки библиотека-

Библиотека даже с небогатыми материальными ресурсами, по выражению известного американского архитектора Кристофера Дэя, способна оставаться «местом, где отдыхает душа». За такой прекрасной метафорой стоит понимание библиотечного пространства как среды, помогающей человеку познавать мир и способной излечивать его от болезней века: агрессии, одиночества, слабых коммуникативных навыков.

*Слава Григорьевна Матлина,
кандидат педагогических наук, Москва*

рей для изучения зарубежного опыта. Налаживаются тесные связи с библиотеками Европы и США, проводятся совместные семинары и конференции, стажировки наших коллег в лучших зарубежных библиотеках. Начинается технологическое обновление библиотек, которому в немалой степени способствовало появление интернета и позднее социальных сетей.

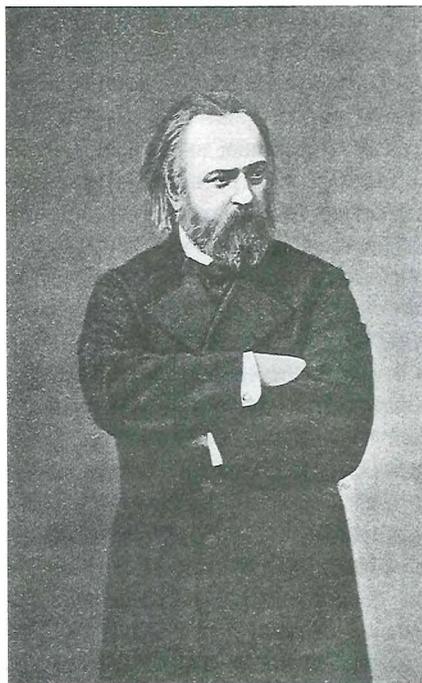
Казалось, налицо некий революционный прорыв, ускоренные темпы модернизации. В отличие от постепенных, линейных изменений прошлых десятилетий, нынешняя модернизация была *органична*. Её стимулировали уже не указания органов управления культурой — какими бы здоровыми они не были, но внутренние импульсы трансформации, проходящей в принципиально новых социальных условиях. Одновременно с ускоренным темпоритмом, призванным уменьшить отставание от лучших западных образцов, модернизации библиотек был присущ *догоняющий характер*. Наряду с внедрением новых технологий, в продвинутых библиотеках он проявлял себя через освоение сущностных, иных, чем прежде, элементов обслуживания, через изменившуюся *стилистику диалога с пользователями*. Он осуществлялся в условиях открытого пространства, свободного доступа к ресурсам. Среди его оснований — отсутствие «чисток фондов», спецхранов, цензуры, идеологического диктата партийных и советских органов. И конечно, объективные изменения в ожиданиях и поведенческих установках пользователей, которых не устраивали архаичные формы обслуживания с однообразными скудными фондами и низким уровнем комфорта.

Откуда возник интерес к истории библиотек

Модернизация библиотек в описанный выше период неизбежно выдвинула в центр внимания общественности проблему, или скорее дилемму «Традиции и новации». Что из прошлого взять в сегодняшний день, как реально, на практике, обеспечить взаимосвязь двух диалектически связанных сторон любой жизнедеятельности? Анализ опыта библиотек, статьи, доклады и даже защищённые диссертации свидетельствуют, что такой интерес теоретиков и практи-

ков стал прежде всего ответной реакцией на попытки нового поколения начать жизнь с «*tabula rasa*» — чистого листа.

Но это лишь одна сторона, связанная с ответом на поднятые вопросы. Позволю себе процитировать несколько положений из собственных статей, опубликованных почти три десятилетия назад. Тогда я указывала на появление потребности в профессиональной самоидентификации, ответах на вопросы: кто мы, откуда мы. Парадоксально, но обращение к библиотечным традициям — связующему звену дня сегодняшнего с прошлым, можно было оценить как определение перспектив будущего. Когда-то А. И. Герцен назвал эту связь «*пророчествами былого*». Важно было ответить на вопрос, какие из множества традиционных библиотечных функций, на-

правлений и форматов работы сейчас наиболее важны для читающей публики. Не случайно в этот же период библиотекведы неоднократно обсуждали вопрос о значимости тех или иных библиотечных функций.

Традиции в самом общем виде (с лат. *eradition* — передача, обучение), подразумевают опору на сложившиеся нормы, установления, в широком смысле на историческое наследие. Отмечу сразу: речь не о «скрепах», придуманном идеологическом фетише. Имеется в виду изучение и *дозированное, осмысленное* включение элементов позитивного опыта культуртрегеров-библиотекарей,

а также музейщиков, «книжных людей» из издательств и СМИ, которые на протяжении многих лет сотрудничали с библиотеками. Осмысление взаимосвязи культурно-просветительских традиций с сегодняшними реалиями неизбежно вызывало интерес к собственно *профессиональным традициям, к библиотечной истории*.

«Вдруг» выяснилось, что библиотечной истории, как научно обоснованной дисциплины, изучающей закономерности развития библиотечной отрасли. в целом, и её отдельных акторов — библиотек, в советский период просто не существовало. Точнее, её имитировала бесстрастная и субъективно изложенная хроника отдельных событий, соответствующая периодизации истории партии, перечисление дат и цифр. Плюс к этому — скупой ряд имен. среди которых наряду с «основоположниками» назывались фамилии, прежде всего, организаторов библиотечного строительства. Функционально-содержательный анализ работы библиотек, тем более их национальных и региональных особенностей, отсутствовал. Исключение составляла историко-краеведческая деятельность. Но она менее всего была нацелена на профессионально-библиотечное самопознание. История конкретных библиотек оставалась на периферии изучения культуры края. Такой сугубо схематичный подход объективно способствовал обрыву исторической памяти, в равной степени социальной и профессиональной амнезии.

Чтобы преодолеть эту амнезию, в 1990-е гг. начинается активное изучение истории библиотечного дела с новых позиций, без идеологических догматов, с опорой на архивные документы и личные свидетельства участников конкретных процессов и событий. Не сказать, что переоценка ценностей проходила безболезненно: на моей памяти многочисленные споры и конфликты истори-

ков. Тем не менее, в двух ведущих научно-исследовательских центрах страны — РГБ (Российской государственной библиотеке) и в РНБ (Российской национальной библиотеке) — создаются

сектора истории библиотечного дела. Проводятся регулярные научные конференции и семинары, в которые включаются конкретные библиотеки, начинающие изучать свою собственную биографию. В ряде библиотек регионов, даже небольших, создаются мини-музеи, точнее уголки истории своего учреждения.

Принципиально важно, что меняется методология исследований. Новые социокультурные практики требуют появления ранее не существовавших направлений в изучении истории библиотек. Так, в 1990-е гг. **по инициативе** снизу — наиболее активных коллег, возникает новый тренд — поименования и переименования библиотек. Тех, которые долгие годы существовали под безликими номерами или под неймами, спущенными чиновниками и не имевшими отношения к содержанию работы. Вслед за этим явлением в профессиональной сфере возникает новое направление — формируется дискурс «*именные библиотеки*»³. Позже к ним добавились институции нового типа — библиотеки-музеи, а также мемориальные, создаваемые в пространствах, топографически и биографически связанных с деятельностью выдающейся личности.

В свою очередь, движение именных библиотек, побудило коллег рассматривать персонифицированный подход как один из методов анализа не только истории, но и современных процессов. Происходит творческая интерпретация положений **персонологии**, направленная на междисциплинарное изучение личности и её поведенческих особенностей в разных ситуациях. Для научных сотрудников и практиков из разных регионов становится ключевым понимание исто-

рии библиотеки — **как исследование судеб людей**, с ней связанных, а не только поступательного развития её материальных ресурсов.

От истории — к реалиям сегодняшнего дня.

Итак, изучение истории библиотеки становится одним из побудительных мотивов в развитии инновационных процессов. Вообще, в 1990-е гг. и позднее понятия «инновации», «инновационные процессы» становятся чуть ли не самыми употребляемыми, и с позиций сегодняшнего дня я бы с иронией добавила — модными. Сегодня с удовольстви-

ем и некоторой ностальгией перечитываю публикации тех лет, основанные на многочисленных командировках, присылаемых с мест отчётов и публикаций, материалов семинаров и конференций. И конечно, статей о работе замечательной Школы библиотечной инноватики, работавшей на протяжении более десяти лет в Белгороде. Она стала своего рода лабораторией по осмыслению нестандартных творческих идей и отработке гуманитарных и информационно-коммуникационных технологий.

В конце 1990-х — начале 2000-х гг. проводятся эксперименты по созданию инновационных моделей библиотек, преимущественно сельских. Один из проектов курирует НФ «Пушкинская библиотека», другой — Киевская ЦБС столицы, где работает слаженная команда библиотекарей, позже составившая кадровое ядро Российской Государственной молодёжной библиотеки. Именно тогда

появляется и закрепляется понятие «*модельная библиотека*», подразумевающая качественно иную стилистику работы, и выполнение ранее не присущих библиотеке социально-культурных ролей.

У меня есть законное право на профессиональную ностальгию, поскольку, работая в НИО библиотековедения РГБ, я вводила и отстаивала эти «модные» понятия, позже зафиксированные в «Библиотечной энциклопедии». И конечно, хорошо помню всеобщую эйфорию, связанную с освоением новых практик.

Отрезвление пришло не сразу. В какой-то момент становится очевидным значительное отставание традиционных библиотек, которые оказались на обочине инновационных процессов. Если учесть, что библиотекарь — профессия массовая, то сотрудников таких библиотек было большинство. Непредвзятый анализ ситуации показывал, что причина отставания не в косности уходящих поколений и даже не в инерции разбросанных по городам и весям огромной страны культурных институций, а в объективных обстоятельствах. Они объяснялись слабой материальной базой на местах, недостаточной поддержкой не только органов управления культурой, но и методических центров. И по большому счёту незнанием теоретических основ управления сложными системами, игнорированием институциональной теории, ориентирующей трансформацию библиотек на **эволюционные изменения**, «*долгое время*» (метафора Е. Т. Гайдара). Нас подвела привычная большевистская парадигма «р-р-революционного удара», «рывка», желание одним махом решать сложные проблемы. Да и отдельные модельные библиотеки, постепенно лишавшиеся первоначальной поддержки местных властей, по прошествии времени стали терять темпы обновления и часто выглядели скорее красочными витринами на фоне остальных, работающих по старинке и ничем не примечательных институций.

В своей статье с ироничным заголовком «Об инновациях без восторгов и оваций»⁴, ставшей попыткой подвести предварительные итоги модернизационных процессов, мне пришлось констатировать усталость коллег от постоянных перемен, от «*насилия нового*». Содер-

жательные основы формулы «взаимосвязь традиций и инноваций» дали сбой. Занимаясь историей, мы ухитрились не заметить реалий сегодняшнего дня и совсем недавних событий дня прошедшего. Не «заметили», что ушли в небытие сформированные в советский период и успешно работавшие десятилетия сети негосударственных библиотек. В первую очередь, профсоюзных с их уникальным опытом библиотечного обслу-

После предварительного, многолетнего эксперимента она была проведена Министерством культуры СССР и научно-методическими центрами во второй половине 1970-х–начале 1980-е гг. и стала важной вехой в истории библиотечного дела страны. Это был хорошо осмысленный и тщательно подготовленный проект, в разработке которого участвовали коллективы учёных из разных областей знания, Централизация на ме-

вала связность библиотек, в регионах и районах, и в конечном итоге, в масштабах огромной страны. И безусловно, построение сети государственных массовых библиотек, воспроизводившее организацию государственного управления, при всех её минусах позволяла осуществлять единую стратегию развития, организовать целостную систему методической помощи на всех этажах иерархической лестницы, обеспечивать регулярное повышение квалификации и переподготовку персонала.

Как рулят культурой сегодняшние чиновники

Пострадали не только сельские библиотеки, количество которых уменьшалось с каждым годом. Разрушительную инициативу подхватили городские чиновники. Застрельщиком, как это нередко бывало, оказалась Москва. Столичные ЦБС пережили немало пертурбаций, связанных с кадровой чехардой — регулярной сменой чиновников-управленцев, каждый из которых вносил какой-нибудь разрушительный элемент в работу библиотек. Один из них создал в дополнение к Управлению столичной культуры ещё одну начальственную «прокладку» — Московский городской библиотечный центр, позднее переименованный в Дирекцию по развитию культурных центров. Целью новых начальственных структур стала реализация планов по повышению посещаемости

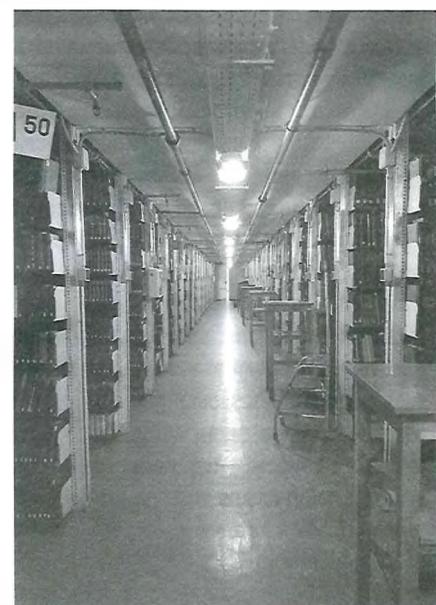
живания сотрудников крупных промышленных предприятий.

Профессиональное сообщество с равнодушием отнеслось к постепенному развалу системы методического сопровождения библиотек. Первым сигналом послужило закрытие научно-методического отдела Главной библиотеки страны — РГБ и позднее аналогичных подразделений в других федеральных и региональных центрах (к счастью, не всех). Уцелел, хотя и количественно уменьшился замечательный коллектив методистов РНБ. Это был начальный шаг к будущему распаду централизованных библиотечных систем (ЦБС). Поэтому, когда после принятых постановлений, и в первую очередь 131 Закона РФ, под угрозой оказалась сама идея централизации сети библиотек, и прежде всего существование сельских филиалов, защищать их во многих регионах стало некому.

Стоит напомнить о роли централизации сети в культурно-просветительской и информационной деятельности.

стах осуществлялась на протяжении нескольких лет, проходила непросто и, можно сказать, была выстрадана практиками в разных регионах. Подтверждаю данные положения как непосредственный участник этого проекта, потребовавшего перестройки всего организационно-управленческого механизма библиотечно-информационного обслуживания населения. Централизация предполагала создание достаточно прочной структуры культурно-образовательных институций с научно обоснованными стандартами и нормативами. Теми, которые позволяли наиболее рационально использовать выделявшиеся библиотекам скудные материальные ресурсы,

Работа ЦБС была далеки от идеала. Ей мешал партийный и чиновничий диктат, избыточный контроль вышестоящих органов, жёсткая вертикальная структура профессиональных коммуникаций, отсутствие стимулов для проявления творческой инициативы и многое другое. Но централизация *обеспечи-*

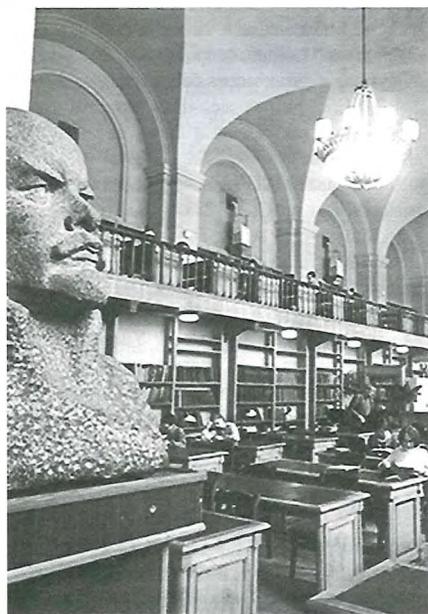

библиотек на 20–30%. На деле же новая группа чиновников в дополнение к прежним стала безжалостно менять опытных

директоров знаменитых московских библиотек на «эффективных менеджеров». Как правило, новички не имели никакого отношения к библиотечному делу и к тому же, управленческого опыта.

Другому чиновнику пришла в голову идея провести свою «суперцентрализацию». В каждом столичном округе — а их до расширения административного деления насчитывалось десять — прежние ЦБС были объединены в некий конгломерат. Вместо 125 прежних компактных районных систем возникли неуправляемые монстры, состоящие из одной центральной библиотеки и нескольких десятков филиалов.

Вопреки Федеральному закону «О библиотечном деле», из постановлений

столичных псевдореформаторов *исчезает само понятие «библиотека»*. Его заменяют на маловыразительный канцелярит (словечко К. Чуковского) — «учреждение культуры библиотечного типа» (!!!) Следующим шагом по диверсификации, а точнее, диверсии в отношении московских библиотек, стал принятый в самом конце 2021 г. документ о присоединении к ЦБС «учреждений культуры клубного типа». Сами ЦБС были переименованы в «Объединения культурных центров округа». Чиновники не скрывали, что очередная, втихую проведённая «реформа», отнюдь не связана с повышением эффективности работы подведомственных учреждений, зато облегчит контроль за ними и позволит сэкономить деньги на их содержание.

А что же методические центры, а где горизонтальные связи, призванные за-

щищать библиотеки от произвола властей? РБА довольно осторожно и вяло ответила заявлением по поводу этой псевдореформы. Хотя указала, что в силу статуса особого субъекта РФ данное драматическое событие *«выходит по своему значению за рамки частного случая, и так или иначе окажет влияние (полагаю, негативное? — С. М.) на ситуацию в стране»*. Ведущие научно-методические центры федерального значения просто отмолчались.

Что касается Центральной городской библиотеки (ЦГБ) им. Н. А. Некрасова, формально считающейся методическим центром для библиотек столицы, то её роль не только в этом конфликте, но и в повседневной жизни московских культурных институций давно сведена к нулю. Та же кадровая чехарда, осуществляемая Департаментом культуры, замена руководителей ЦГБ — профессионалов на легко управляемых «эффективных менеджеров» привела к превращению главной библиотеки мегаполиса в обычную структуру, ничем не выделяющуюся среди других рядовых институций города. Выселенная из дома — архитектурного памятника в малоприспособленное помещение бывшей фабрики, когда-то славящаяся своими творческими достижениями и научной работой, «Некрасовка» по уровню обслуживания явно уступает ЦГБ Санкт-Петербурга им. В. Маяковского, а также многим районным библиотекам в обеих столицах. О том, чтобы сравнить её со знаменитыми зарубежными аналогами, такими, как библиотеки в Амстердаме или в Хельсинки, посещение которых входит в популярные туристические маршруты, и речи быть не может. Богатому мегаполису, гордящемуся своей активной культурной жизнью, дела нет до главной городской библиотеки.

Конечно, дело не только в псевдореформах ретивых столичных чиновников. Они чутко уловили тренд по сужению роли образовательных и культурных институтов. Несмотря на принимаемые правительством долгосрочные программы и дорожные карты, в последние годы налицо процесс их разрушения. Незаметно для общественности закрываются научно-исследовательские центры, изучающие теоретические основы культурно-творческой деятельности, в

частности, замечательный НИИ культуры. Ликвидирован АПРИКТ — Академия переподготовки кадров работников искусства, культуры и туризма, где наряду с другими успешно работала кафедра библиотечного дела.

Из вузов, призванных готовить будущих специалистов для библиотек страны, исчезают не только факультеты, но и кафедры библиографии, библиотековедения, детской литературы. Именно на их основе создавались первые библиотечные вузы страны. В вузах культуры сегодня функционируют институции, готовящие специалистов по разным направлениям культурно-творческой деятельности: режиссёров, актёров, дирижёров, хореографов, и пр. и пр. О том, что, например, столичный институт культуры — МГИК, выпускает небольшую группу специалистов в области библиотечного дела, напоминает лишь кафедра библиотечно-информационной деятельности. В ходе конфлик-

тов с руководителями института во время очередной организационной «перестройки» её сотрудникам не без труда удалось отстоять своё название. То, в котором хотя бы *присутствует понятие «библиотека»*. Если в 1990-е гг. шла речь об обогащении нашего лексикона, то в настоящее время из него вымываются понятия, определяющие сущностные, базовые основы профессии: рекомендательная библиография, индивидуальное и групповое обслуживание читателей, профессиональное чтение, ядро библиотечного фонда и др.

Вместо эпилога

Завершать публикацию на пессимистической ноте очень не хочется. Убеждена: публичная библиотека — один из самых распространенных институтов с многолетними традициями и, как у любой консервативной структуры, с огромным запасом прочности, она обязательно выживет. Как утверждал Ю. М. Лотман, что в культуре никогда ничего не исчезает, оно принимает иные формы, но продолжает существовать и трансформироваться.

Что же касается модернизации библиотек, то необходим взвешенный подход к её осмыслению на основании не популярных лозунгов, но заключений авторитетных исследователей из сопредельных сфер знания. В ставшей бестселлером монографии «Несовременная страна Россия в мире XXI века» известный экономист В. Иноземцев констатировал *невосприимчивость России к инновациям*. В главе с характерным названием «Почему в России не будет модернизации» он писал о неготовности к модернизационной повестке как правящей группы, так и народа, Учёный доказывал, что государство не заинтересовано в эффективной работе образовательных структур, наращивании человеческого капитала, формирование которого в нынешнем столетии объективно становится сверхзадачей библиотек. Библиотековеды могут сколько угодно теоретически обосновывать значимость этих задач, но их реализация за исключением отдельных позитивных примеров, невозможна. Конкретные продвинутые библиотеки благодаря усилиям талантливых энтузиастов, профессионалов и знатоков своего дела, будут эволюционировать, развивая новые гуманитарные и информационно-коммуникационные технологии. Но в соответствии с институциональной теорией большая часть библиотек будет вынуждена делать «упор не на лучшие практики, а на лучшие в плохих условиях» (Е. Н. Кузнецов).

Это не помешает им реализовывать гуманистическую природу нашей профессиональной деятельности. Она предусматривает ориентацию на многообразие поведенческих установок тех людей, ради взаимодействия с которыми существует библиотека — большая или маленькая. Жизненно необходимо поддер-

живать диалог с читателями, используя формы непосредственного общения с ними (чтение вслух, лектории, встречи с интересными людьми и др.). Психологи утверждают огромное их значение на фоне засилья виртуальных форм коммуникаций, негативно влияющего на жизнедеятельность человека. Живое общение, связанное с обучением основам медиаграмотности, критического мышления, сегодня, как никогда ранее, играет *важную социальную роль*. Именно низовые библиотеки сегодня способны консолидировать местное сообщество, оказывая регулярную информационную помощь муниципальным органам, обще-

ственным объединениям и другим организациям, и конечно, отдельным группам и людям. Библиотека даже с небогатыми материальными ресурсами, по выражению известного американского архитектора Кристофера Дэя, способна оставаться «местом, где отдыхает душа». За такой прекрасной метафорой стоит понимание библиотечного пространства как среды, помогающей человеку познать мир и способной излечивать его от болезней века: агрессии, одиночества, слабых коммуникативных навыков. В этом наша главная сила.

С автором можно связаться:
matlina@mail.ru

Примечания:

¹ Самохина М. М. Библиотека как социальный институт и её функции // М. М. Самохина // Библиотека и общество в России 90-х годов XX века: материалы семинара / Моск. библ. ассоциация, Рос. гос. б-ка, Рос. гос. б-ка для слепых, Библ. благотв. фонд. — М., 1994. — С. 12–18; Мотульский Р. С. Библиотека как социальный институт. — Мн.: Бел. гос. ун-т культуры, 2002. — 374 с.; Полтавская Е. И. Библиотека в системе социокультурных институтов: осмысление понятий / Е. И. Полтавская // Научные и технические библиотеки. — 2011. — №10. — С. 5–20; Полтавская Е. И. Библиотека: учреждение и/или социальный институт? / Е. И. Полтавская. — Москва: Литера, 2009. — 176 с. —

(Современная библиотека; вып. 43); Библиотечный социальный институт: новые акценты и аспекты: проблемно-ориентированный науч. сб. / Российская гос. б-ка: науч.-исслед. отд. библиотекосведения. [сост. М. И. Акилина]. — М.: Пашков дом, 2013. — 158 с.

² Матлина С. Г. Взаимосвязь традиций и инноваций // С. Г. Матлина // Библиотекосведение. — 1993. — №4. — С. 18–32; она же. Публичные библиотеки в контексте культурных традиций региона // Матлина С. Г. Публичная библиотека: пути инновационного развития: избр. — СПб.: Профессия, 2009. — С. 195–203; она же: Библиотечные традиции в сохранении и приумножении национального культурного наследия // Там же. С. 222–232.

³ Гильфанова И. А. Библиотека и её имя: повод для размышления // Сборник методико-библиографических материалов. — Вып. 13. — Екатеринбург, 2000. — С. 59–61; Дмитриева А. А. Опыт создания и особености работы именных библиотек // Муниципальная библиотека на пороге нового века: материалы межрегион. науч.-практ. конф. 15–16 мая 2000 г. — Киров, 2000. — С. 5–10. Матлина С. Г. Библионимика. Имя как символ и бренд библиотеки (Постановка проблемы) / С. Г. Матлина // Научные и технические библиотеки. — 2007. — №4. — С. 5–14; она же. «Нам остаётся только имя...» (имя как символ и бренд библиотеки) // Библиотечное дело. — 2008. — №24. — С. 2–6.

⁴ Матлина С. Г. Об инновациях без восторгов и оваций // Там же. С. 265–285.

⁵ Мазурицкий А. М. Новогодний подарок от Департамента культуры Москвы // <https://regnum.ru/news/cultura/3477782.html>

⁶ Заявление РБА по поводу реформы управления библиотеками в Москве // Университетская книга. — 2022. — 14.01 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.unkniga.ru/news/12812-zavavlenie-rba-po-povodu-reformy-upravleniya-bibliotekami-v-moskve.html>

⁷ Ягункова Л. Даёшь библиотеку вместо кабака // Правда: Официальный сайт [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://gazeta-pravda.ru/issue/21-31224-12-marta-2022-goda/davesh-biblioteku-vmesto-kabaka/?sphrase_id=121509

⁸ Иноземцев В. Л. Несовременная страна. Россия в мире XXI века. — М., Альпина Паблишер, 2018. — 402 с. — Режим доступа: http://www.litres.ru/pages/biblio_book

В основу статьи положен доклад автора на научно-практической межрегиональной конференции «XXVII Чтения по истории библиотек и библиотечного дела на тему «История библиотеки как фактор её модернизации».

История библиотечного дела, модернизация, профессиональные коммуникации

The article is based on the author's report at the scientific-practical interregional conference «XXVII Readings on the history of libraries and librarianship on the topic «The history of the library as a factor in its modernization.»

History of librarianship, modernization, professional communications